

ПОЛОЖЕНІЕ ЖЕНЩИНЫ

у кочевниковъ Средней Азіи.

I.

Сѣрое осеннее утро. Мелкій, холодный дождь барабанить въ стекла оконъ моей канцеляріи, подъ аккомпаниментъ завываній вѣтра, порывы котораго производятъ удручающее впечатлѣніе. Казалось, въ такую погоду никому не взбредетъ на умъ идти куда бы то ни было, и я надѣялся, что обычные въ осенніе дни просители сегодня позволятъ мнѣ разобраться въ накопившихся „входящихъ бумагахъ“, въ теченіи уже нѣсколькихъ дней лежавшихъ въ моемъ портфелѣ, ожидая момента, когда мнѣ не будетъ надобности скакать по участку, производя дознанія, или сидѣть въ канцеляріи и выслушивать просителей. Но надеждамъ моимъ на этотъ разъ не суждено было оправдаться. Только что я углубился въ работу, какъ тишина канцеляріи, нарушаемая лишь скрипомъ пера переводчика и тиканьемъ часовъ, была прервана шумомъ отворившейся входной двери; слышался топотъ нѣсколькихъ ногъ и голоса, среди которыхъ выдавался визгливый бабій голосъ, быстро и громко заголосившій на грубый окрикъ моего джигита. Чувствуя, что мнѣ уже не придется спокойно сидѣть за работой, я съ неудовольствіемъ отодвинулъ въ сторону бумаги и послалъ переводчика узнать въ

чемъ дѣло. Черезъ минуту онъ вернулся и доложилъ, что пришли просители, киргизы, и желаютъ непременно меня видѣть. Я приказалъ ихъ позвать. Дверь отворилась и въ комнату вошли человекъ четыре киргизовъ и съ ними киргизка съ маленькою дѣвочкою на рукахъ. Вся эта орава въ нѣсколько голосовъ начала излагать мнѣ свой арзъ (просьбу). Я заставилъ ихъ замолчать, и такъ какъ, повидимому, ключъ къ сути дѣла долженъ находиться у киргизки, приказываю начинать ей.

Впередъ выступаетъ молодая киргизка, въ промокшемъ отъ дождя старомъ бешметѣ, и киргизъ, въ оборванномъ овчинномъ тулупѣ, съ рваною шапкою въ рукахъ. И старая, засаленная одежда, и шапка, обращенный внутрь мѣхъ которой составленъ былъ изъ кусковъ бѣлой, черной и сѣрой овчины, и самая осанка киргиза, не знавшаго какъ стать и куда дѣть свои закорузлыя руки, показывали, что это бѣднякъ, забитый и нуждою, и болѣе сильными родовичами и одно-аульцами. Другое впечатлѣніе производила его подруга. Несмотря на ея жалкій костюмъ, видно было, что ее подняло на ноги и привело изъ дальняго аула ко мнѣ въ канцелярію большое дѣло, отъ котораго она отступится только тогда, когда его рѣшитъ самъ хакимъ (начальникъ). Она опустила на полъ свою дѣвочку, которая съ любопытствомъ начала осматривать комнату, время отъ времени прижимаясь къ подолу матери, когда ея бродившій по комнатѣ взглядъ встрѣчался съ моимъ. На видъ дѣвочки было лѣтъ пять; въ дѣтскихъ чертахъ проглядывало что-то миловидное, предвѣщавшее въ ней будущую степную красавицу. По костюму и манерѣ держать себя остальные киргизы, видимо, принадлежали къ разряду людей состоятельныхъ, не знакомыхъ съ нуждою и съ тѣмъ гнетомъ, который кладетъ она на людей. По тому, какъ они быстро замолчали на мой окрикъ и охотно уступили киргизкѣ право первой заявить свой арзъ, и какъ они отошли нѣсколько въ сторону, видно было, что они чувствовали подъ ногами твердую почву и знали, что изъ просьбы ихъ противницы ничего не выйдетъ. Ихъ мимика какъ-будто говорила киргизкѣ: „чтобы ты ни сказала ха-

киму, все-таки право и сила на нашей сторонѣ и ты ничего не выиграешь“.

Передамъ суть жалобы, заявленной мнѣ киргизкою. Лѣтъ пять или шесть тому назадъ ея мужъ, киргизъ одной изъ подвѣдомственныхъ мнѣ волостей, умеръ, оставивъ ее беременною на пятомъ мѣсяцѣ. Мужъ ея былъ бѣднякъ, а потому однородцы его, люди зажиточные, не польстились ни на нее, ни на оставшуюся въ видѣ наслѣдства рухлядь и, отдавъ все вдовѣ, разрѣшили ей вдобавокъ выйти замужъ за киргиза сосѣдняго уѣзда. Вторымъ ея мужемъ былъ тотъ самый бѣднякъ, который стоялъ теперь передъ мною и смущенно мямль свою шапку. Вскорѣ послѣ выхода замужъ она родила дѣвочку, находившуюся теперь въ канцеляріи. Вдвоемъ съ мужемъ они вырастили ее, пять лѣтъ кочевали спокойно, не встрѣчаясь съ родными ея перваго мужа. Но нѣсколько недѣль тому назадъ они прикочевали на зиму въ мой участокъ и встрѣтились съ сородичами отца дѣвочки, которые и задумали отобрать ее отъ матери. Разказавъ всю эту исторію, киргизка съ плачемъ обратилась ко мнѣ, прося защиты отъ притѣсненій сильныхъ сородичей ея умершаго мужа, прося приказанія оставить ее въ покоѣ, не отнимать дочери отъ матери и второго отца, вскормившаго дѣвочку. Заключительныя слова просительницы вызвали на лицахъ ея противниковъ самодовольную улыбку. Они, казалось, ждали этого момента и съ нескрываемымъ чувствомъ правоты выступили впередъ, при чемъ одинъ изъ нихъ заговорилъ съ видомъ человека, запасшагося неотразимымъ аргументомъ, способнымъ разомъ убить краснорѣчіе просительницы. Онъ сказалъ, что дѣвочка есть дочь ихъ сородича, и въ силу адата принадлежитъ имъ, а не матери; далѣе онъ сообщилъ, что встрѣтившись съ просительницей, они предъявили ей требованіе передать имъ дѣвочку, и послѣ отказа обратились къ бію, который, разобравъ дѣло, рѣшилъ его въ ихъ пользу. Когда же они съ рѣшеніемъ бія въ рукахъ, обратились къ матери съ требованіемъ отдать имъ дѣвочку, противница ихъ вторично отказалась, начала ругаться, кидалась на нихъ съ кула-

ками, царапала имъ лица и не хотѣла исполнить пришедшее въ законную силу рѣшеніе бія. Чтобы окончить это дѣло, они позвали мать дѣвочки ко мнѣ, надѣясь, что я разберу все по закону и рѣшу, кому должна принадлежать дѣвочка. Въ подтвержденіе своей просьбы, говорившій вынулъ изъ завязаннаго въ платокъ бумажника сложенный въ нѣсколько разъ узенькій и длинный листокъ, вырѣзанный изъ книги для записыванія рѣшеній народныхъ судей. Документъ этотъ вполне подтверждалъ справедливость его доклада и былъ тѣмъ аргументомъ, на неотразимость котораго такъ надѣялись противники просительницы.

Таково содержаніе дѣла, пригнавшаго ко мнѣ въ дождливый день изъ дальняго аула толпу киргизовъ и заставившаго меня крѣпко задуматься и на время оставить просителей въ томительномъ ожиданіи моего рѣшенія. Но что я могъ сдѣлать? Одна сторона, въ силу материнства, предъявляетъ права на несчастнаго ребенка, другая требуетъ его себѣ—въ силу рѣшенія бія, опирающагося на *адатъ* *), по которому женщина, взрослая или малолѣтняя, есть ничто иное, какъ вещь, могущая быть покупаемой, продаваемой, даримой и переходящей по наслѣдству отъ одного къ другому.

Передъ мною разыгрывалась одна изъ драмъ туркестанской жизни. Но въ драмѣ этой я оказывался въ не менѣе драматическомъ положеніи, чѣмъ сама плачущая киргизка, отъ которой, въ силу положеній суроваго адата, родовичи мужа отнимаютъ родную дочь. Вступая въ должность участковаго пристава, я мечталъ, стоя близко къ народу, осуществить, хотя отчасти, идеи о культурномъ вліяніи русскаго административнаго чиновника на темную среду полудикаго населенія Туркестана. Я мечталъ за время своего приставства близко ознакомиться съ нуждами народа и по мѣрѣ силъ и возможности облегчить эти нужды, быть для народа орудіемъ правды и справедливости. И вотъ на первыхъ же порахъ жизнь ставитъ передъ мною задачу, которая доказы-

*) Адатъ—обычное право тюркскихъ народностей въ Средней Азіи.

ваетъ мнѣ всю праздность моихъ мечтаній и полнѣйшую невозможность поступить такъ, какъ того требуютъ правда и справедливость. Въ самомъ дѣлѣ, во имя правды и справедливости, во имя человѣчности я долженъ объявить пришедшимъ ко мнѣ киргизамъ, что рѣшеніе ихъ бѣя безчеловѣчно, какъ безчеловѣченъ и самъ адатъ, что противно человѣческой природѣ отнимать у матери ея дочь изъ за того только, что послѣдняя черезъ нѣсколько лѣтъ можетъ принести своимъ владѣльцамъ барыши въ видѣ того калыма, который заплатитъ за нее ея будущій мужъ. Но какъ чиновникъ, опирающійся въ своихъ дѣйствіяхъ на законъ, я долженъ былъ сказать: бѣя постановилъ свое рѣшеніе правильно, по адату; въ срокъ рѣшеніе это не обжаловано и оно должно быть приведено въ исполненіе, а я, по закону, не имѣю никакого права измѣнять рѣшеніе бѣя.

Такова, по истинѣ, драматическая дилемма, которую мнѣ нужно было рѣшить. Было надъ чѣмъ задуматься и заставить стоявшихъ передъ мною дѣтей степи провести нѣсколько томительныхъ минутъ ожиданія. Пока я колебался высказать то, что должно было такъ жестоко огорчить мать, къ моей канцеляріи подѣхалъ волостной управитель, не устоявшій, какъ и подобаетъ истому киргизу, предъ соблазномъ узнать, чѣмъ кончилось, очевидно, интересовавшее его дѣло. Войдя въ комнату и поздоровавшись со мною, онъ перекинулся съ просителями нѣсколькими словами. Въ другое время я былъ бы недоволенъ его приходомъ безъ вызова и безъ доклада, но теперь я обрадовался, надѣясь какъ нибудь уклониться отъ необходимости высказать суровый приговоръ. Волостной хорошо говорилъ по-русски и потому я могъ свободно переговорить съ нимъ. Я высказалъ ему свой взглядъ на безчеловѣчность рѣшенія бѣя, присудившаго отнять у матери ея дочь, и задалъ ему вопросъ, нельзя-ли уладить это дѣло. Онъ, видимо, понялъ мои колебанія и попросилъ меня передать ему дѣло, обѣщая при этомъ помирить враждующія стороны. Предложеніе волостного выручало меня и позволяло надѣяться, что дочь не будетъ отнята отъ матери по крайней мѣрѣ до со-

вершеннолѣтія, когда она должна будетъ выйти замужъ. Поэтому я съ радостью ухватился за его предложеніе. Просители, узнавъ о такомъ поворотѣ дѣла, съ обычною благодарностью вышли изъ канцеляріи вмѣстѣ съ волостнымъ управителемъ. Тамъ, гдѣ-нибудь на базарѣ или въ кибиткѣ волостного, почетныя лица будутъ рѣшать участь дѣвочки. Несомнѣнно, что за право держать при себѣ дочь до совершеннолѣтія, мать ея должна будетъ изъ своего маленькаго стада выбрать жирнаго барана, зарѣзать его и угостить имъ какъ своихъ противниковъ, такъ и всѣхъ почетныхъ лицъ. Положимъ, этотъ баранъ не избавитъ ее окончательно отъ необходимости подчиниться рѣшенію бія и калымъ за будущую безотвѣтную работницу получаютъ родственники отца ея, а не мать; но баранъ все-таки сослужитъ ей большую службу: онъ отдалитъ на нѣсколько лѣтъ необходимость разлуки съ дочерью; можетъ быть и то, что въ будущемъ матери удастся получить въ свою пользу часть калыма, какъ вознагражденіе за воспитаніе невѣсты, составляющей своего рода имущество родовой умершаго мужа просительницы. Съ другой стороны такой поворотъ дѣла удовлетворитъ и претендентовъ на право владѣнія пятилѣтней дѣвочкой, ибо устранить необходимость воспитанія этого живого товара, не устраняя однако возможности полученія за него законнаго калыма. Пусть такъ, пусть на половину будетъ соблюдена человѣчность, пусть такой оборотъ дѣла есть своего рода обходъ закона, но этотъ оборотъ избавляетъ меня отъ обязанности признать безчеловѣчность справедливостью, ибо безчеловѣчность эта, основанная на адатѣ, освящена и закономъ, оставившимъ за туземнымъ населеніемъ Туркестанскаго края народный судъ по адату и шаріату.

II.

Разсказанный мною случай приподнялъ передъ мною край тяжелой завѣсы, скрывавшей отъ меня то рабское положеніе, въ которомъ находится киргизская женщина. Чтобы уяснить это

положеніе и найти выходъ изъ него, я задумалъ поднять завѣсу и взглянуть, въ какомъ положеніи находится женщина, воспитательница будущихъ поколѣній, поколѣній, въ мечтахъ моихъ являвшихся вполне культурными людьми. Я взялъ составленный г. Загряжскимъ сборникъ постановленій киргизскаго адата*), и прежде всего пожелалъ провѣрить, насколько правъ бій, присудившій отнять отъ матери ея пятилѣтнюю дочь и отдать ее совершенно чужимъ людямъ только потому, что эти люди оказываются родственниками ея умершаго отца. Въ примѣчаніи къ § 56 сборника говорится: „вдова можетъ выйти замужъ за посторонняго киргиза, но въ такомъ случаѣ она теряетъ все свое имущество; *дѣти, не исключая грудныхъ и еще нерожденныхъ отъ перваго брака, остаются у родныхъ умершаго мужа*“, а § 56 гласитъ: „вдова, если пожелаетъ выйти замужъ, то бездѣтною должна непременно выйти за родного брата своего мужа, или за ближайшаго его родственника. Если же она пожелаетъ остаться вдовою, то къ вторичному браку никто не имѣетъ права ее принуждать“. Приведенное только что примѣчаніе къ § 56 встрѣчается въ другой редакціи и въ сочиненіи г. Гродекова „Киргизы и Каракиргизы Сыръ-Дарьинской области“, гдѣ сказано: „если вдова, съ позволенія родни покойнаго, выйдетъ за посторонняго человѣка, то дѣти, даже не рожденные еще, остаются въ домѣ прежняго мужа“. Далѣе, §§ 115 и 116 сборника г. Загряжскаго гласятъ: „если мать несовершеннолѣтнихъ выходить замужъ за родственника умершаго, тогда дѣти остаются при матери и опекуномъ назначается ея мужъ“ (§ 115) и „если же мать выходить замужъ за посторонняго человѣка, то *дѣти разлучаются съ матерью и остаются при опекунахъ*“ (§ 116), которыми, согласно § 114, назначаются большею частью родственники, а при неимѣніи таковыхъ — бій назначаютъ опекунами и постороннихъ людей.

*) Загряжскій, «Юридическій обычай киргизъ». Ежегодникъ Туркестанскаго края т. IV. СПб. 1876 г.

Какая суровость и безчеловѣчность звучить въ приведенныхъ положеніяхъ адата и онѣ относятся всецѣло только къ одной женщинѣ. Нигдѣ въ сборникахъ г.г. Загряжскаго и Гродекова нѣтъ указаній на то, чтобы овдовѣвшій киргизъ лишился отцовскихъ правъ. Передъ матерью же стоитъ во время вдовства дилемма: или пользоваться правами матери и удовлетворять чувство материнства, и оставаться вдовою, либо переходить, какъ какое-нибудь наслѣдство, къ одному изъ родственниковъ умершаго мужа, не задавая своему сердцу вопроса—можетъ-ли оно спокойно принимать ласки этого наслѣдника? Человѣческая личность киргизки—матери не признается адатомъ. Суровый народный обычно-правовой кодексъ смотритъ на женщину, какъ на самку, какъ на живое имущество, переходящее отъ одного мужа къ другому. Если въ данномъ случаѣ адатъ даетъ этому живому имуществу возможность распорядиться собою по собственному желанію, то подъ непремѣннымъ условіемъ заглушить, задавить въ себѣ одно изъ лучшихъ человѣческихъ чувствъ. Крайне незавидна и участь дѣтей, лишенныхъ ежедневныхъ ласкъ матери. Къ какому огрубенію и развращенію нравовъ ведетъ такое положеніе!

Если бы молодая киргизская вдова, оставшаяся съ малыми дѣтьми, задумала жить человѣческою жизнью, не заглушая въ себѣ ни личныхъ чувствъ, ни чувствъ матери, и сошлась съ любимымъ человѣкомъ внѣ брачной связи, то и тутъ адатъ встрѣчаетъ ее суровымъ постановленіемъ, въ силу котораго „вдова, уличенная въ беременности не отъ мужа, лишается правъ вдовы и изгоняется изъ кибитки мужа“, т. е. лишается дѣтей и всего имущества; другими словами, изъ существа и безъ того уже безправнаго, превращается окончательно въ жалкую парію.

Чѣмъ дальше вчитываться въ постановленія адата, тѣмъ больше уясняется безправное положеніе киргизской женщины. По § 49 сборника г. Загряжскаго „киргизка не можетъ вступать въ первый бракъ безъ позволенія отца, во второй же бракъ—если она не разведена съ мужемъ, а вдова—вступаетъ по волѣ родныхъ умершаго ея мужа“. „Разведенная же киргизка выхо-

дѣть замужъ по своему усмотрѣнію“ (§ 50), но при этомъ, если она мать, то лишается своихъ дѣтей, которыя остаются у мужа (§ 83).

Приведенный выше § 49 адата какъ-бы допускаетъ для киргизской дѣвушки свободу выбора мужа, подъ условіемъ позволенія отца. Между тѣмъ другими постановленіями эта свобода выбора совершенно уничтожается. Такъ § 64 говоритъ: „желающій вступить въ бракъ съ дѣвушкой долженъ испросить на это позволеніе у родителей, или родственниковъ невѣсты“. „Если невѣста умретъ, то отецъ или родственники ея должны выдать жениху несватанную сестру ея, или родственницу, если таковая есть“ (§ 72). „Если умретъ женихъ, то засватанная имъ невѣста дѣлается невѣстой его брата, или родственника“ (§ 73). „На бракъ дѣвицы (сироты) требуется согласіе опекуновъ, если они родственники; если же нѣтъ, то сихъ послѣднихъ; если родственниковъ нѣтъ, то согласіе дѣвицы“ (§ 123). Такимъ образомъ свобода выбора мужа предоставляется киргизской дѣвушкѣ только въ томъ случаѣ, если она круглая сирота, не имѣющая родственниковъ. Во всѣхъ же другихъ случаяхъ согласія ея не требуется. Ея участію распоряжаются отецъ или кто либо изъ родственниковъ, выдавая ее замужъ за того, за кого они хотятъ, а не за того, за кого она пожелаетъ. Обычай же уплаты за невѣсту калыма ставитъ ее въ положеніе продаваемой вещи, такъ какъ „калымъ идетъ въ пользу отца или родственниковъ невѣсты, которые съ своей стороны обязаны дать невѣстѣ приличное ихъ состоянію приданое, заключающееся непременно прежде всего въ юртѣ, домашней утвари и постели“ (§ 78). Въ пользу-же невѣсты идетъ калымъ только тогда, когда она круглая сирота. Уплата калыма, кромѣ того, что ставитъ дѣвушку-невѣсту въ положеніе покупаемаго живого имущества, въ положеніе рабыни своего будущаго мужа, даетъ послѣднему право, въ случаѣ смерти невѣсты, требовать отъ ея отца или родственниковъ замѣны умершей другой несватанной дѣвушкой, а въ случаѣ отсутствія таковой, возврата уплаченнаго калыма (§ 79). Но не одна смерть

невѣсты даетъ такое право жениху. Послѣдній имѣетъ право требовать замѣны невѣсты другою дѣвушкой, если найдетъ свою невѣсту не цѣломудренною (не отъ его вины) (§ 80). Словомъ киргизское сватовство есть ничто иное, какъ простой актъ купли-продажи, при которомъ покупатель требуетъ отъ продавца такой товаръ, какой ему нуженъ и, въ случаѣ, если проданный ему товаръ испорченъ или уничтоженъ, требуетъ замѣны его другимъ. — Это живое имущество, проданное за калымъ отцомъ дѣвушки или ея родственниками, становится собственностью ея мужа, а затѣмъ и родственниковъ послѣдняго. Родовое право, красною нитью проходящее черезъ адатъ, кладетъ свою тяжелую печать на киргизскую женщину. Она не членъ рода, а имущество, принадлежащее роду. Адатъ допускаетъ переходъ этого имущества изъ одного рода въ другой, или путемъ купли-продажи (уплата калыма) при вступленіи въ первый бракъ, или, какъ мы видѣли изъ приведеннаго выше примѣра, въ видѣ акта осуществленія свободной воли вдовы, но при непремѣнномъ и безчеловѣчномъ условіи лишенія всего имущества до дѣтей включительно.

Я думаю, что можно ограничиться приведенными выписками изъ адата, постановленія котораго были собраны лѣтъ 20 тому назадъ г. Загряжскимъ. Хотя въ настоящее время киргизскій адатъ измѣняется, и замѣнъ его создается, по выраженію Н. И. Гродекова, „новый адатъ“, тѣмъ неменѣе 20 лѣтъ періодъ крайне незначительный для того, чтобы въ теченіе его совершенно измѣнились всѣ его варварскія постановленія.

Если отъ постановленій адата, болѣе всего касающихся вопросовъ о бракѣ, перейти къ тѣмъ его постановленіямъ, которыя рисуютъ частную жизнь женщины, то невольно бросаются въ глаза ея, доходящая до рабства, подчиненность главѣ семьи. На женщинѣ-киргизкѣ лежитъ вся работа домашняго обихода: она устанавливаетъ и разбираетъ юрту, она заботится о пищѣ всей семьи, получая сама объѣдки; она-же обшиваетъ всю семью, заботится о скотѣ, топливѣ и т. д. Словомъ, въ киргизскомъ аулѣ

единственнымъ работникомъ, ни минуты не сидящимъ безъ дѣла, является женщина. Мужчина же, какъ глава семьи, оставилъ за собою только заботы о пріисканіи мѣстъ подъ кочевку, разъѣзды по базарамъ, охоту и, въ случаѣ бѣдности, пастьбу скота. Жизнь онъ проводитъ постоянно на конѣ, разъѣзжая по степи, а дома сидитъ около костра въ юртѣ, гдѣ все должно быть приготовлено ему женою. Видѣть киргиза въ аулѣ за работой приходится очень рѣдко.

Нужно однако сказать, что домашняя семейная обстановка киргизской женщины, пожалуй, самая свѣтлая сторона въ ея жизни. Не будь суровыхъ постановленій адата, безжалостно попирающихъ человѣческую личность женщины, ненужно было бы толковать о необходимости выступать на защиту этой поправленной человѣческой личности. А выступить на эту защиту мы должны уже въ силу того, что выросши подъ вліяніемъ другихъ взглядовъ и убѣжденій и считая свою культуру выше культуры средне-азіатцевъ, мы обязаны стремиться къ тому, чтобы привить ее стоящимъ ниже насъ. Но кромѣ этого общечеловѣческаго свойства пропаганды своихъ идей и взглядовъ, обязанность выступить на защиту киргизской женщины обусловливается и нашимъ положеніемъ въ Средней Азіи, гдѣ мы не временные посѣтители, а постоянные хозяева. Общегосударственный интересъ требуетъ сліянія инородческихъ окраинъ съ ядромъ государства, а сліяніе это только тогда и будетъ совершившимся фактомъ, когда и само государство, и его окраина будутъ жить общими человѣческими интересами. Въ заботахъ объ этомъ сліяніи мы прицѣлились устраивать здѣсь русско-туземныя школы, справедливо полагая, что грамотность должна быть тѣмъ первымъ камнемъ, который пробьетъ брешь въ стѣнѣ, отдѣляющей нравственный міръ средне-азіатскаго туземца отъ нашего міровозрѣнія. Въ присоединенныхъ ранѣе инородческихъ областяхъ*) мы перешли уже отъ начальныхъ школъ къ среднимъ и открыли недавно въ Кустанаѣ женскую про-

*) Области Степного генераль-губернаторства, а также Уральская, Тургайская и восточныя части Оренбургской губерніи.

гимназію для киргизскихъ дѣвочекъ. Все это показываетъ, что мы неуклонно стремимся путемъ образованія просвѣтить средне-азіатскихъ дикарей и вывести ихъ на торную дорогу общечеловѣческаго прогресса. Но, строя такое просвѣтительное зданіе, мы должны озаботиться о томъ, чтобы никакія вредныя условія не подточили его и не повредили ему. А положеніе киргизской женщины и есть одно изъ тѣхъ вредныхъ условій, могущихъ пошатнуть воздвигаемое зданіе. Мы открываемъ сегодня для киргизскихъ дѣвочекъ прогимназію, завтра превратимъ эту прогимназію въ гимназію, обогатимъ умъ киргизокъ знаніями, вызовемъ въ немъ представленіе о правдѣ и справедливости, о человѣческомъ достоинствѣ, и въ то же время оставимъ за темной родней дѣвочекъ право сдѣлать ихъ по выходѣ изъ гимназіи предметомъ купли-продажи, живымъ имуществомъ, покупаемымъ, продаваемымъ, переходящимъ по наслѣдству, замиаемымъ по требованію покупателя одно другимъ, имуществомъ, въ которомъ адаты признаетъ только тѣло, а души не видитъ. Развѣ это не значитъ собственными руками ломать все то, что сдѣлано нами же? Вѣдь, давая образованіе киргизской дѣвушкѣ, мы хотимъ, чтобы въ киргизскихъ семьяхъ установилась другая система воспитанія, чтобы питомцы образованныхъ киргизокъ были близки намъ по идеямъ, по чувству—и въ то же время этихъ воспитальницъ будущихъ гражданъ оставляемъ въ жертву суровыхъ постановленій адата. Ясно, что оставлять неприкосновеннымъ суровый адаты нельзя; нужно такъ или иначе стать на защиту женщины и тѣмъ ускорить тотъ процессъ измѣненія адата, который, если и измѣнится современемъ, то очень нескоро и можно съ увѣренностью предсказать, что онъ перейдетъ въ не менѣе суровыя постановленія мусульманскаго шаріата. Но пока этого еще не совершилось, необходимо принять мѣры и выступить въ защиту угнетенныхъ.

Но какъ заступиться за человѣческую личность киргизской женщины? въ чемъ должна проявиться наша дѣятельность въ этомъ направленіи?

III.

Занявъ и присоединивъ къ Имперіи Ташкентъ, Ходжентъ и Джизакъ, русское правительство образовало въ 1867 году Туркестанское генералъ-губернаторство, для управленія которымъ былъ въ томъ же году составленъ временной законодательный актъ, выработанный особо учрежденною Степною Комиссіею. Этотъ временный актъ, извѣстный подъ именемъ „Проекта Положенія объ управленіи въ Семирѣченской и Сыръ-Дарьинской областяхъ“, просуществовалъ почти 20 лѣтъ, служа для администраціи края мѣстнымъ закономъ. Въ теченіе двадцати-лѣтняго періода дѣлались неоднократно попытки замѣнить временное положеніе постояннымъ закономъ, но всѣ онѣ не были утверждены въ законодательномъ порядкѣ. Что именно мѣшало этому—говорить здѣсь не мѣсто. Скажу только, что всѣ подготовительныя работы того времени представляютъ крайне любопытный матеріалъ, разобрать который было-бы въ высшей степени интересно. Какъ „Проектъ“ 1867 г. Степной Комиссіи, такъ и всѣ прочіе не осуществившіеся проекты касались между прочимъ и вопроса о защитѣ человѣческой личности средне-азіатской женщины, попираемой суровыми постановленіями адата и шариата. Исходнымъ пунктомъ для нихъ является стремленіе оградить туземную женщину отъ дикаго взгляда на нее азіатцевъ. Способы же огражденія предлагались разные. Начну обзоръ ихъ съ проекта Степной Комиссіи.

По ст. 202 Проек. Полож. 1867 г. киргизамъ, а по ст. 234 сартамъ, т. е. осѣдлому населенію, оставлено было право рѣшать брачныя и семейныя дѣла судомъ біевъ и казіевъ, но по ст. 203 и 235 недовольной сторонѣ было предоставлено право обращаться съ жалобами къ уѣздному начальнику, который или самъ рѣшалъ дѣло, или, въ болѣе важныхъ случаяхъ, представлялъ его военному губернатору. Въ объяснительной запискѣ къ „Проекту“ не приведены мотивы этихъ законоположеній, но, такъ какъ въ основу его Степная Комиссія положила идею сліянія вновь занятаго края съ Имперіей, то есть основаніе предположить,

что вышеприведенныя законоположенія имѣли цѣлю ослабить вліяніе суровыхъ постановленій народнаго обычая. Степная Комиссія, во время объѣзда степей, не могла не замѣтить, что положеніе туземныхъ женщинъ, какъ киргизокъ, такъ и сартянокъ, крайне незавидно. И тѣ и другія, передъ народнымъ обычаемъ — существа вполнѣ безличныя, безправныя, отчасти рабыни, отчасти просто вещи, имѣющія ту или другую цѣну. Не въ интересахъ Россіи было оставлять подобный порядокъ и потому „Проектъ“ Степной Комиссіи давалъ этой рабынѣ возможность находить защиту своихъ человѣческихъ правъ въ тѣхъ случаяхъ, когда суровое обычное право нарушало основы гуманности и справедливости.

Третій по времени*) проектъ положенія 1873 г., составленный подъ непосредственнымъ руководствомъ К. П. фонъ-Кауфмана, повторялъ все тѣ-же положенія, какія высказала и Степная Комиссія, съ тою только разницею, что въ составленномъ проектѣ инструкціи уѣзднымъ начальникамъ было оговорено: „при рѣшеніи дѣлъ брачныхъ по жалобамъ недовольныхъ рѣшеніемъ суда народнаго *уѣздный начальникъ долженъ руководствоваться народными обычаями и совѣстью*“. Въ случаѣ недовольства одной, или обѣихъ сторонъ рѣшеніемъ его, уѣздный начальникъ долженъ былъ представлять дѣло на рѣшеніе военнаго губернатора (§ 12 проекта инструкціи уѣзднымъ начальникамъ). Такимъ образомъ этимъ § инструкціи съ одной стороны устанавливалась высшая апелляціонная инстанція надъ рѣшеніями уѣздныхъ начальниковъ въ лицѣ губернатора, которому надлежало разбирать не только дѣла болѣе сложныя по представленію уѣзднаго начальника, но также разбирать и жалобы на рѣшеніе уѣзднаго начальника, а съ другой стороны указывалось, чѣмъ долженъ былъ руководствоваться уѣздный начальникъ. Необходимо обратить вниманіе на подчеркнутыя мною слова инструкціи уѣзднымъ началь-

*) Проекта 1871 г. я не касаюсь, такъ какъ не имѣю его подъ руками. Вѣроятно въ данномъ вопросѣ онъ былъ тождественъ съ проектомъ 1873 г., а потому этотъ пробѣлъ не можетъ имѣть существеннаго значенія.

никамъ, такъ какъ въ нихъ замѣтно явное противорѣчіе. Невсегда народный обычай могъ совпадать съ совѣстью уѣзднаго начальника, который, рѣшая по обычаю, частенько долженъ былъ бы идти въ разрѣзъ съ своею совѣстью, и на оборотъ, рѣшая дѣло по совѣсти, долженъ бы былъ идти въ разрѣзъ съ народнымъ обычаемъ.

Проектъ фонъ-Кауфмана 1873 г. былъ разсмотрѣнъ въ томъ-же году въ комиссіи генерала Непокойчицкаго, въ которой разбираемый мною вопросъ подвергся весьма существеннымъ измѣненіямъ, а именно: комиссія, имѣя въ виду, что въ Туркестанскомъ краѣ было проектировано введеніе суда, дѣйствующаго на основаніи общихъ законовъ Имперіи, не имѣла достаточныхъ причинъ къ возложенію на уѣздныхъ начальниковъ правъ и обязанностей апелляціонной инстанціи въ рѣшеніяхъ брачныхъ дѣлъ между туземцами, и, отмѣнивъ проектированный законъ, постановила предоставить туземцамъ право обжалованія рѣшеній по брачнымъ и семейнымъ дѣламъ въ общія судебныя учрежденія. Надобно замѣтить при этомъ, что подобное право было предоставлено только лишь кочевникамъ, имѣющимъ судъ биевъ, но не осѣдлому населенію, имѣющему судъ казіевъ, т. е. судъ по шариату.

На какой проектъ туркестанскаго судоустройства намекала комиссія ген. Непокойчицкаго, я не знаю. У меня имѣется подъ руками коротенькій проектъ судоустройства, составленный приблизительно въ 72 или 73 годахъ комиссіей подъ предѣтельствомъ К. Несторовскаго. Тотъ-ли это проектъ, о которомъ упоминаетъ комиссія ген. Непокойчицкаго, или какой другой, тѣмъ неменѣе я сошлюсь на одно мѣсто въ немъ, которое, по моему мнѣнію, можетъ показать, какими соображеніями руководилась комиссія ген. Непокойчицкаго. Упоминаемый мною проектъ предлагалъ ввести въ краѣ судъ на основаніи уставовъ 1864 г. съ нѣкоторыми измѣненіями, оставивъ „судъ народный только какъ исключеніе изъ суда общаго“, и въ своихъ разсужденіяхъ о преимуществѣ русскаго суда высказался, что „судья приметъ во вниманіе народные обычаи, а потому и не будетъ замѣтно

попранія народныхъ обычаевъ“. Только при такомъ взглядѣ на дѣятельность русскаго суда и можно было допустить замѣну администраціи русскимъ судомъ въ качествѣ апелляціонной инстанціи по дѣламъ брачнымъ и семейнымъ туземнаго населенія Туркестанскаго края. Конечно не маловажное вліяніе на такую постановку этого вопроса оказалъ и взглядъ о раздѣленіи властей судебной и административной. Непонятнымъ остается только, почему комиссія Непокойчицкаго ограничивала сферу дѣйствій русскаго суда въ данномъ вопросѣ брачными дѣлами только у киргизъ и совершенно выпустила ту статью изъ проекта фонъ-Кауфмана, которою предоставлялось русской административной власти быть апелляціонной инстанціей по брачнымъ и семейнымъ дѣламъ также и у осѣдлыхъ сартовъ и таджиковъ, имѣющихъ судъ казіевъ.

Проектъ положенія, проредактированный комиссіею ген. Непокойчицкаго, не былъ внесенъ на разсмотрѣніе въ Государственный Совѣтъ, встрѣтивъ возраженіе со стороны министерствъ. Между прочимъ встрѣтилъ возраженіе и рассматриваемый мною вопросъ. Оно исходило отъ Министра Юстиціи, который нашелъ лишнимъ установленіе апелляціонной инстанціи, ибо, во-первыхъ, „общимъ судебнымъ мѣстамъ будетъ весьма затруднительно рѣшать на основаніи народныхъ обычаевъ дѣла о брачныхъ и семейныхъ спорахъ“, а во-вторыхъ, проектъ комиссіи ген. Непокойчицкаго, по мнѣнію Министра Юстиціи, не былъ согласованъ съ предположеніями бывшей при Министерствѣ Юстиціи комиссіи по вопросу о преобразованіи судебной части въ степныхъ областяхъ и Туркестанскомъ краѣ, такъ какъ комиссія эта пришла къ заключенію, что по дѣламъ сего рода лишь рѣшенія *казіевъ* (*а не біевъ*), могутъ быть пересмотрѣны русскими судебными установленіями и при томъ не общими судами, а мировыми судьями. Такое постановленіе имѣло цѣлью ослабленіе вліянія магометанскаго духовенства среди осѣдлаго населенія и потому врядъ ли могло быть распространено на кочующихъ киргизовъ.

Какъ извѣстно, проектъ положенія 1873 г., проредактиро-

ванной комиссіею ген. Непокойчицкаго, со всеми замѣчаніями, былъ возвращенъ ген. Кауфману для пересоставленія. Различныя обстоятельства помѣшали переработать проектъ до 1881 г., когда было приступлено къ работамъ по составленію новаго проекта. Интересующій меня вопросъ въ предварительныхъ работахъ былъ разсмотрѣнъ только военнымъ губернаторомъ Ферганской области ген.-лейт. Абрамовымъ, который опредѣленно высказался за сохраненіе примѣнявшагося на практикѣ порядка, даннаго дѣйствовавшимъ тогда „Проектомъ“ 1867 года, мотивируя свое мнѣніе тѣмъ, что „бракъ между магометанами не имѣетъ ничего общаго съ бракомъ по русскимъ законамъ, не дающимъ никакихъ указаній для разрѣшенія брачныхъ споровъ у туземцевъ“. Поэтому ген. Абрамовъ находилъ болѣе умѣстнымъ дѣла брачныя и семейныя оставить въ вѣденіи суда туземнаго; но такъ какъ не эмансипированный взглядъ азіатцевъ на женщину неминуемо долженъ былъ отражаться и на туземныхъ судьяхъ, то ген. Абрамовъ и предполагалъ оставить за администраціей право апелляціонной инстанціи по дѣламъ этого рода. За оставленіе семейныхъ дѣлъ въ вѣденіи народнаго суда высказалась и образованная при военномъ губернаторѣ Сыръ-Дарьинской области особая комиссія; она стояла за сокращеніе сферы дѣятельности народнаго суда до рамокъ русскаго волостного суда, но вопроса объ огражденіи человѣческихъ правъ туземной женщины она не коснулась.

Въ окончательной редакціи проекта 1881 года по дѣламъ брачнымъ и семейнымъ жалобы сторонъ, недовольныхъ рѣшеніемъ народнаго суда, должны были представляться уѣздными начальниками въ областныя правленія; онѣ могли постановить собственное рѣшеніе о разводѣ и огражденіи правъ личности, предоставивъ сторонамъ за опредѣленіемъ имущественныхъ послѣдствій рѣшенія областного правленія обращаться къ суду біевъ и казіевъ. Такимъ направленіемъ этихъ дѣлъ, по мнѣнію составителей проекта 1881 г., избѣгалось съ одной стороны допущенное проектомъ 1867 г. веденіе дѣлъ брачныхъ и семейныхъ единолично уѣздными начальниками и военными губернаторами, а съ другой—

избѣгалось и проектированное положеніемъ 1874 года*) разсмотрѣніе подобныхъ дѣлъ въ русскомъ судѣ, который по незнакомству съ народными обычаями, служащими основаніемъ браковъ и семейной жизни туземцевъ, былъ бы поставленъ въ затруднительное положеніе. По мнѣнію составителей проекта 1881 г. можно было опасаться, что русскій судъ приступитъ къ преждевременной и опасной ломкѣ народныхъ обычаевъ, и, пренебрегая народными возрѣніями и бытомъ, будетъ естественно стремиться примѣнять къ дѣламъ туземцевъ русскія понятія и законы. Составители проекта 1881 г., находя, что въ брачныхъ и семейныхъ дѣлахъ, благодаря обычаямъ, возможны рѣшенія, противныя гуманности и чувству справедливости, предоставляли право апелляціонной инстанціи по этимъ дѣламъ областнымъ правленіямъ, которыя, какъ средоточія управленія въ областяхъ, должны были быть болѣе знакомы съ туземными обычаями и въ силу этого удобнѣе могли вліять на постепенное ихъ приближеніе къ общерусскимъ. Такой дѣятельности областныхъ правленій не мало должно было способствовать и то, что онѣ должны находиться подъ контролемъ и руководствомъ военныхъ губернаторовъ и главнаго начальника края.

Такимъ образомъ и Степная Комиссія и комиссія ген. Непокойчицкаго и составители проекта 1881 г. высказались за необходимость вліянія русской администраціи на положеніе туземной женщины въ Средней Азіи, при чемъ вліяніе это должны были оказывать или уѣздные начальники и военные губернаторы, или русскія судебныя установленія, или, наконецъ, областныя правленія. Несмотря на такое разнообразіе рѣшеній во всѣхъ этихъ проектахъ можно замѣтить одну общую черту, а именно: всѣ они стремились съ одной стороны не ломать вѣками выработанныхъ обычаевъ, а съ другой—стремились очеловѣчить эти обычаи идеями гуманности и справедливости. На самомъ дѣлѣ всѣ эти пред-

*) Для краткости я называю проектомъ 1874 г. проектъ 1873 года, проредактированный пом. ген. Непокойчицкаго.

положенія пытались примирить непримиримое. Попытка примирить непримиримое, особенно рельефно выразилось въ упомянутомъ уже мною проектѣ инструкціи уѣзднымъ начальникамъ, гдѣ сказано было, что „при рѣшеніи брачныхъ и семейныхъ дѣлъ уѣздный начальникъ долженъ *руководствоваться народными обычаями и совѣстью*“.

Нынѣ дѣйствующее Положеніе 12 іюня 1886 г.*) оставило эту попытку и, принявъ начало сохраненія неприкосновенности правовъ и обычаевъ инородцевъ Туркестанскаго края, сочло непоследовательнымъ вторгаться въ такую сферу ихъ внутренней жизни, которая болѣе всего затрогиваетъ нравственные ихъ интересы. Такимъ образомъ законъ 12 іюня вовсе не касается вопроса о защитѣ человѣческихъ правъ туземной женщины. Такая же неприкосновенность народныхъ обычаевъ оставлена „Положеніемъ“ 1891 г.***) и въ степныхъ областяхъ, съ тою только разницею, что въ послѣднихъ всѣ дѣла брачныя и семейныя изъяты изъ не подлежащихъ обжалованію рѣшеній третейскихъ судовъ, дабы тѣмъ не препятствовать недовольной сторонѣ отыскивать возстановленіе своихъ правъ по народнымъ обычаямъ.

Ор. Шкапскій.

(Продолженіе будетъ).

*) Положен. объ управл. Турк. края (т. II Свод. Зак. 1892 г.).

**) Положен. объ управл. степныхъ областей—тамъ-же.

ПОЛОЖЕНІЕ ЖЕНЩИНЫ

у кочевниковъ Средней Азіи.

(Окончаніе*).

IV.

Англійскій переводчикъ книги Хидая**) въ предисловіи къ своему переводу говоритъ: „для долговѣчности всякаго чужеземнаго владѣнія (въ сущности, для оправданія такого владѣнія) необходимо, чтобы было обращено строгое вниманіе на удобства и выгоды не только управляющихъ, но и управляемыхъ. Для достиженія этой великой цѣли ничто не можетъ быть признано настолько дѣйствительнымъ, какъ сохраненіе этимъ управляемымъ издревле установившихся обычаевъ ихъ, какъ гражданскихъ, такъ религіозныхъ, и охраненіе отправленія функцій всѣхъ ихъ институтовъ. Какъ бы недостаточными или нелѣпыми ни казались во многихъ случаяхъ эти обычаи, все таки они должны быть безконечно болѣе удобопримѣнимы, чѣмъ всѣ тѣ, которые можемъ предложить мы, потому что эти исконные обычаи основываются на скопленіи вѣковыхъ предразсудковъ, и, по мнѣнію ихъ послѣ-

*) См. «Сред.-Азіат. Вѣстн.», іюнь 1896 г.

**) «Хидая, комментаріи мусульм. права», переводъ съ англійск. подъ ред. П. И. Гродекова; Ташкентъ, 1893 г.

дователей, ведутъ происхожденіе отъ самого божества“. Высказана эта тирада англійскимъ переводчикомъ въ похвалу правительству Англіи за его политику въ Остѣ-Индіи. Можетъ быть такъ и нужно дѣйствовать въ Остѣ-Индіи, но такъ ли нужно дѣйствовать на нашей средне-азіатской окраинѣ? Нужно ли намъ, заботясь о долговѣчности своего владычества въ чужой для насъ странѣ, сохранить у управляемыхъ народовъ издревле установившіеся обычаи, или же, смотря на Среднюю Азію, какъ на часть Россійской Имперіи, стараться замѣнить мѣстные обычаи общими въ Имперіи законами и другими установленіями?

Вопросъ этотъ занималъ въ свое время и Степную Комиссію, составившую „Проектъ Положенія“ 1867 г.; онъ былъ даже первымъ вопросомъ, разрѣшеніе котораго было положено краеугольнымъ камнемъ работъ Комиссіи. Она, принимая во вниманіе, что средне-азіатскія страны „связаны съ сосѣдними частями Россіи многочисленными интересами торговли и промышленности, уже силою самихъ вещей втягиваются въ кругъ русской жизни въ Азіи“, категорически высказалась, „что только *прочное, крѣпчайшее прикованіе этихъ земель навсегда къ Россіи и постепенное органическое ихъ сліяніе можетъ быть единственною цѣлью нашей администраціи въ средне-азіатскихъ владѣніяхъ*“ *). Ставя этотъ принципъ основою гражданскаго устройства въ Средней Азіи, „Степная Комиссія положила строго избѣгать насильственнаго навязыванія чуждыхъ народу порядковъ, напрасной ломки его жизни“; а потому въ основу судебнаго устройства приняла „два главные принципа: сохраненіе у туземцевъ народнаго суда *съ измѣненіями, кои необходимы для пользы самаго народа и уменьшенія въ нихъ фанатизма, а слѣдственно и преградъ къ сближенію ихъ съ нами*, и устройство русскаго суда не только для рѣшенія дѣлъ русскихъ, пребывающихъ въ краѣ, но и для туземцевъ, если они обратятся къ русскому суду по добровольному

*) Объяснительная записка къ «Проекту объ управленіи въ Семирѣченской и Сыръ-Дарьинской областяхъ», стр. 130. (Курсивъ въ подлинникѣ).

**) Тамъ-же, стр. 131.

соглашенію“ *). Говори о необходимости сохраненія народнаго суда, Комиссія ссылалась на примѣръ Англіи, которая послѣ неудачныхъ стремленій ввести въ покоренныхъ странахъ свои законы, узаконила народный судъ съ нѣкоторыми лишь ограниченіями. Такимъ образомъ принципъ сохраненія въ покоренныхъ областяхъ, издревле существовавшихъ обычаевъ какъ гражданскихъ, такъ и религіозныхъ, долженъ быть признанъ какъ первая ступень, долженствующая путемъ ограниченій перейти съ теченіемъ времени къ введенію законовъ общихъ всему государству, разъ послѣднее смотритъ на покоренныя страны не какъ на временно занятые, а какъ на неотъемлемую свою часть. Исторія судебного устройства въ Туркестанскомъ краѣ даетъ примѣры постепеннаго ограниченія сферы народнаго суда. Такъ, по проекту Степной Комиссіи убійство и баранта у киргизъ подлежали суду биевъ. Нынѣ дѣйствующій законъ изъясъ эти преступленія изъ вѣдѣнія народнаго суда и подчинилъ ихъ общему съ наложеніемъ тяжелыхъ наказаній по нашему уголовному кодексу**). Въ вопросѣ объ улучшеніи участи средне-азіатской женщины мы поступили иначе: не ограничивали постепенно роль народныхъ обычаевъ, а сначала создали было въ лицѣ административной власти узду для нихъ, а затѣмъ вовсе отступились отъ вмѣшательства въ эту сферу народной жизни. Такая непоследовательность объясняется тѣмъ, что, какъ я сказалъ въ предъидущей главѣ, мы хотѣли примирить не примиримое: съ одной стороны не трогать, не ломать народныхъ обычаевъ, а съ другой—проводить въ народную среду принципы гуманности и справедливости. Понятно, что при такихъ условіяхъ крайне трудно рѣшить этотъ сложный вопросъ. Нужно одно изъ двухъ: либо отдать женщину во власть народныхъ обычаевъ, либо смѣло встать на ея защиту и идти наперекоръ обычаю. Первое рѣшеніе принято нынѣ дѣйствующимъ

*) Тамъ-же стр. 161. (Курсивъ мой).

**) По адату убійца платилъ *кунъ* (плата за кровь) родственникамъ убитаго, а баранта (грабежъ скота) не считалась даже преступленіемъ и часто производилась по рѣшенію биевъ.

положеніемъ, отказавшимся примирить непримиримое. Но такой оборотъ дѣла нужно признать неудовлетворительнымъ и особенно въ тѣхъ областяхъ, которыя раньше присоединены къ Россіи и въ которыхъ дольше дѣйствовалъ проектъ Степной Комиссіи, такъ какъ области эти съ одной стороны сильнѣе охвачены просвѣтительной миссіей Россіи, а съ другой—въ нихъ до 1891 года дѣйствовало право вмѣшательства администраціи въ семейныя дѣла. Понятно, что въ этихъ областяхъ и должны были встрѣтиться возраженія противъ отдачи женщинъ во власть народнаго обычая.

Вопросъ объ улучшеніи положенія средне-азіатской женщины—часть общаго вопроса о нашей культурно-исторической миссіи въ Средней Азіи, въ которую привели насъ безсознательные пути историческаго процесса. Не ограничиваясь ролью рабовъ этого историческаго процесса, а наоборотъ, стремясь стать сознательными руководителями его, мы, какъ въ первые годы движенія въ Среднюю Азію, такъ и въ послѣдующіе, ставили себѣ по возможности ясно опредѣленныя цѣли, къ достиженію которыхъ и прилагали усилія. Первоначальными цѣлями нашими, господствующими и въ настоящее время, были цѣли экономическія. Стремясь создать въ Средней Азіи рынокъ для своей обрабатывающей (главнымъ образомъ, конечно, мануфактурной) промышленности, мы въ теченіе цѣлыхъ столѣтій заигрывали съ средне-азіатскими ханами, отправляя къ нимъ и принимая отъ нихъ посольства, главнѣйшими наказами для которыхъ были заключенія торговыхъ договоровъ, долженствовавшихъ обезпечить дѣятельность нашихъ купцовъ. Ради обезпеченія безопасности нашихъ торговыхъ каравановъ мы воспользовались фиктивнымъ подданствомъ хановъ киргизъ Малой орды и превратили это подданство изъ фиктивнаго въ дѣйствительное, а затѣмъ приступили въ 1864 году къ устройству нашей средне-азіатской границы.

Послѣдовавшія за этимъ рѣшительнымъ шагомъ событія вопреки нашимъ желаніямъ расширили наши владѣнія въ Средней Азіи и заставили цѣли торговой политики превратить въ цѣли внутренней государственной политики, рядомъ съ которыми стала

и высшая государственная цѣль—органическое сліяніе вновь завоеванныхъ земель съ Имперіей. Эта послѣдняя цѣль требуетъ борьбы съ тѣмъ нравственнымъ міромъ, который вѣками созданъ въ умахъ средне-азіатскихъ туземцевъ. Она началась на первыхъ же порахъ нашего владычества въ Средней Азіи, когда мы приступили къ устройству школъ и когда генераль Кауфманъ рекомендовалъ своимъ подчиненнымъ, даже въ своей частной жизни, служить образцомъ для туземцевъ (приказъ Кауфмана отъ 29 ноября 1868 года*). Но какъ нельзя однимъ только толстовскимъ идеаломъ личной трудовой жизни и личной нравственности передѣлать общественный строй культурныхъ націй, такъ точно нельзя измѣнить нравственный міръ туземцевъ Туркестана примѣромъ личнаго поведенія. Наше дѣло въ краѣ не только моральное, но главнымъ образомъ общественное и наша личная мораль должна лишь подкрѣплять собою наше поведеніе общественное. Поэтому то сложная борьба съ нравственнымъ міромъ средне-азіатцевъ должна вестись преимущественно государственными и общественными учрежденіями. Словомъ, наша просвѣтительная миссія въ Средней Азіи должна вестись точно такъ-же, какъ ведется она и въ нашей метрополіи, и на западѣ Европы. Какъ наша туркестанская интеллигенція, такъ и интеллигенція Европейской Россіи

*) Позволю себѣ привести цѣлкомъ этотъ приказъ: «До свѣдѣнія моего дошло, что нѣкоторые лица военно-народнаго управленія, по своей частной и общественной жизни, не всегда умѣютъ держаться на той высотѣ, на которой долженъ стоять каждый русскій, служащій въ Средней Азіи. Чтобы оправдать ожиданія Его Величества Государя Императора и нашей родины, чиновники, принадлежащіе къ администраціи Туркестанскаго края, должны отличаться самою безупречною жизнью и честно исполнять тяжелыя общественныя обязанности, на нихъ лежащія, т. е. трудиться непрерывно и постоянно на пользу русскаго значенія въ Азіи. Лица, по своей жизни, не могущія служить образцомъ для туземцевъ, и которые не въ силахъ трудиться настойчиво—не должны продолжать службу во ввѣренномъ мнѣ краѣ. На этомъ основаніи, предлагаю г.г. военнымъ губернаторамъ и правителю моей канцеляріи доставить мнѣ собственноручныя секретныя аттестаціи всѣхъ подчиненныхъ имъ лицъ, служащихъ по администраціи Туркестанскаго края. Въ аттестаціяхъ, должно быть подробно охарактеризовано каждое лицо по отношенію къ пользѣ, которую оно приноситъ въ краѣ, его охотѣ быть полезнымъ русскому дѣлу въ Средней Азіи и по отношенію благопристойности поведенія. Обращаю вниманіе г.г. военныхъ губернаторовъ и правителя канцеляріи на то чтобы аттестаціи были произведены самымъ безпристрастнымъ образомъ».

должны руководиться въ своей дѣятельности одними и тѣми-же идеями прогресса.

Чтобы построить ближайшій идеаль положенія средне-азиатской женщины вообще, а киргизки въ частности, необходимо знакомство съ дѣйствительнымъ ея положеніемъ. Положеніе это я уже отчасти представилъ въ изложеніи тѣхъ статей адата, которыя касаются женщины. Чтобы дополнить нарисованную картину, нужно во-первыхъ припомнить еще, что у киргизъ, да и у всѣхъ другихъ туземцевъ Средней Азіи, существуетъ многоженство, т. е. такая форма брака, гдѣ положеніе жены является совершенно приниженнымъ, а мужу принадлежитъ неограниченная власть надъ нею, а во-вторыхъ, нужно познакомиться съ тѣми явленіями современной жизни, которыя указываютъ, въ какомъ направленіи измѣняются народные обычаи. На измѣненіе обычаевъ у киргизъ указываютъ многіе авторы, изучившіе жизнь народовъ Средней Азіи. И хотя суровыя положенія адата пока остаются неизмѣнными, но въ жизни возникаетъ уже нѣчто такое, что рано или поздно повліяетъ на адатъ и заставитъ народныхъ судей принимать въ расчетъ не старый адатъ, а новый.

Главныя черты новаго адата—распаденіе родового начала, хотя нужно сказать, начало это еще руководитъ постановленіями биевъ и держится въ умахъ народа, не имѣя однако той жизненности, какую имѣло оно въ прежнее время. Точнѣе сказать—держатся тѣ постановленія адата, которые основаны на родовомъ началѣ, послѣднее же подорвано въ своемъ корнѣ и должно кануть въ вѣчность. Здѣсь мы видимъ то явленіе, которое сторонниками гипотезы экономического матеріализма формулировано историческимъ закономъ, гласящимъ, „что социальная форма появляется послѣ социальнаго содержанія и что она переживаетъ это содержаніе“ *). Цитированныя мною во второй главѣ постановленія адата, т. е. социальная форма сложилась послѣ того, какъ сложился родовой бытъ, т. е. социальное содержаніе. Пос-

*) См. П. Н. «Одна изъ гипотезъ о сущности историческаго процесса»; «Рус. Мысль» 1891 г. № 6, стр. 44.

лѣднее въ настоящее время рушится, но адать переживаетъ основы, давшія ему жизнь. Въ чемъ заключается причина паденія этихъ основъ, причина распадѣнія родового начала, — въ установленныхъ ли русскими порядкахъ выборнаго начала въ управленіи народомъ, въ измѣненіи ли общихъ условій жизни, когда наступившее спокойствіе исключило надобность въ крѣпости родовой организаціи для безопасности отдѣльныхъ личностей, въ естественномъ ли стремленіи личности выйти изъ подъ опеки рода, или въ чемъ другомъ — рѣшать теперь не буду.

Причины, повлекшія за собою распадѣніе родового начала, отразились и на семейномъ бытѣ киргизъ. Наблюденія надъ ихъ жизнью указываютъ на явленія вполне аналогичныя семейнымъ раздѣламъ и заключающіяся въ выдѣленіи членовъ семьи въ отдѣльныя хозяйственныя единицы. Молодой киргизъ, вступая въ бракъ, стремится отдѣлится отъ семьи отца и жить въполнѣ самостоятельно. Онъ ставитъ отдѣльную юрту и начинаетъ кочевать не съ отцемъ, а одинъ, часто далеко отъ отца, съ которымъ видится изрѣдка. Такое выдѣленіе новыхъ хозяйственныхъ единицъ отражается и на положеніи жены выдѣлившагося члена распавшейся семьи. Чтобы оцѣнить это положеніе жены, приведу слѣдующую цитату изъ работы г. Харузина о Букеевскихъ киргизахъ. „Глава семьи, говоритъ этотъ наблюдатель, имѣетъ право наказывать ослушника своей воли плетью; его старшая жена (байбиче) считается матерью и хозяйкой всей семьи: она приказываетъ младшимъ женамъ своего мужа и *женамъ другихъ членовъ семьи*“ *), которыя, въ отличіе отъ байбиче, называются „токаль“. Съ распадѣніемъ большой семьи ограничивается власть главы ея, ограничивается и власть байбиче: прежняя токаль сама становится байбиче, какъ ея мужъ, изъ младшаго члена семьи, превращается въ главу ея. Жена его остается только въ подчиненіи у него одного, но власть надъ нею главы большей семьи и его байбиче падаетъ. Изъ рабы своего мужа, его отца и его матери она пре-

*) См. Н. Харузинъ, «Киргизы Букеевской орды», стр. 110.

вращается только въ рабу своего мужа. Это улучшеніе ея участи большой прогрессъ. Какія послѣдствія вытекаютъ изъ этого, думаю, нѣтъ надобности говорить.

Современныя условія жизни киргизъ кочевниковъ, кромѣ упомянутой черты, во взаимныхъ отношеніяхъ мужа и жены характеризуются и еще одной чертой, очень важной въ семейномъ быту. Киргизъ прежнихъ временъ, кромѣ общаго надзора за своимъ скотоводческимъ хозяйствомъ, велъ еще жизнь батыря*). На немъ, такъ сказать, лежала обязанность военнымъ путемъ сохранять и увеличивать свое богатство. Понятно, что военные подвиги съ одной стороны окружали его въ глазахъ жены своеобразнымъ ореоломъ силы и власти, а съ другой удаляли его отъ заботъ о домашнемъ очагѣ, удаляли его и отъ жены, которая была въ его глазахъ рабыней, какъ онъ въ ея глазахъ былъ полновластнымъ господиномъ. Съ прекращеніемъ же въ настоящее время этихъ воинскихъ обязанностей киргизъ большее вниманіе сталъ удѣлять своему хозяйству, сталъ и ближе къ домашнему очагу. Прямымъ послѣдствіемъ этого было то, что съ него слетѣлъ ореолъ батыря и въ глазахъ жены онъ понизился на нѣсколько ступеней, а также и то, что самъ киргизъ, отдаваясь больше чисто хозяйственнымъ заботамъ, сталъ ближе къ своей женѣ, которая для него становится уже не рабыней, а помощницей. Особенно рельефно выражается это повышеніе киргизской семьи у игенчей, перешедшихъ отъ скотоводческаго хозяйства къ земледѣльческому. Безправное, приниженное положеніе киргизки выражается въ настоящее время только въ такихъ случаяхъ, когда ей приходится сталкиваться съ суровыми постановленіями адата относительно личныхъ и имущественныхъ правъ. Въ положеніи киргизской невѣсты происходятъ тоже измѣненія къ лучшему. Они касаются одной изъ формъ заключенія брака, именно калыма, размѣры котораго постепенно становятся все меньше и меньше. Такъ, часть калыма, называемая „тоймалъ“,

*) Батырь—богатырь, наѣздникъ, отличившійся въ бояхъ воиномъ.

въ настоящее время не бываетъ больше 100 барановъ, или 9 кобылъ, или 20 лошадей, или 400 руб. деньгами*), тогда какъ въ прежнее время тоймалъ равнялся цѣлому косяку лошадей отъ 50 до 100 головъ**). Положимъ Н. Васильевъ, авторъ брошюры „Кочевники Туркестана“ (Самаркандъ, 1890 г.), справедливо считаетъ причиной такого уменьшенія размѣровъ калыма обѣднѣніе киргизъ, но вѣдь во многомъ справедливъ и взглядъ сторонниковъ гипотезы экономического матеріализма, основное положеніе которой сформулировано Марксомъ слѣдующимъ образомъ: „экономическое строеніе общества есть реальное основаніе, на которомъ находятся юридическія и политическія надстройки и которому соответствуютъ опредѣленные формы самосознанія“ ***). Хотя родовой бытъ зиждется не на экономическихъ отношеніяхъ, а главнымъ образомъ на семейныхъ, цѣль которыхъ производство индивидуумовъ, а не продуктовъ, но тѣмъ не менѣе экономическія отношенія существуютъ въ родовомъ строѣ, нѣсколько напоминая отношенія хозяина собственника къ рабамъ-работникамъ. Главнымъ распорядителемъ родового имущества является патриархъ, глава рода, а прочіе члены рода суть простые работники. Въ числѣ этихъ рабовъ находилась и женщина, необходимое для осуществленія цѣлей семьи живое имущество. Первоначально оно пріобрѣталось при родовомъ строѣ умышкой, завладѣніемъ. Понятно, что мужчина, завладѣвшій женщиной, не могъ смотрѣть на нее иначе, какъ на свою собственность, какъ на имущество, которое онъ пріобрѣлъ, подобно шкурѣ дикаго звѣря, своей силой и ловкостью. Позже умышка уступила мѣсто выкупу, калыму, т. е. живое имущество стало покупаться, а не захватываться. Размѣръ выкупа находился въ зависимости отъ достоинства жениха и родителей невесты, достоинство же этихъ двухъ сторонъ обуславливалось ихъ силой и богатствомъ. Съ паденіемъ родового быта мѣняются

*) Н. И. Гроденовъ «Киргизы и Кара-Киргизы Сыръ-Дарьинской обл.»

**) А. Мейеръ. Матеріалы для географ. и статист. Россіи; «Киргизская степь Оренбургскаго вѣдомства».

***) П. Н. «Одна изъ гипот. о сущн. истор. проц.» Рус. Мыс. 1891 г. № 6, ст. 37.

и все экономическія отношенія. Власть патріарха надъ имуществомъ и надъ членами рода падаетъ и раздѣляется между отдѣльными лицами, имущественное благосостояніе которыхъ падаетъ: уничтожается рабство; человѣческая личность, приравнивавшаяся къ имуществу, возвышается въ глазахъ народа, возвышается и взглядъ на женщину. Благодаря такой эволюціи, выкупъ, или калымъ, становится той соціальной формой, которая переживаетъ соціальное содержаніе, и начинаетъ клониться къ упадку, что выражается пониженіемъ размѣра калыма, который въ концѣ концовъ переходитъ лишь въ символическіе обряды. До такого счастливаго конца средне-азіатская женщина еще не дожила и трудно сказать, когда наступитъ этотъ моментъ, если пониженіе размѣровъ калыма будетъ предоставлено естественному ходу. Въ настоящее же время калымъ переживаетъ эпоху пониженія своихъ размѣровъ, что обусловливается конечно пониженіемъ имущественнаго ценза у киргизъ.

Кромѣ этихъ фактовъ, являющихся прямымъ указаніемъ на измѣненіе соціальнаго содержанія, сошлюсь еще на одно явленіе, косвеннымъ образомъ указывающее на стремленіе киргизъ въ затруднительныхъ случаяхъ рѣшать дѣла не по адату, а соображаясь съ тѣми или другими обстоятельствами. Явленіе это — окончаніе дѣлъ мировыми сдѣлками, которыми народъ какъ-бы обходитъ адатъ. Недостаточность количества знакомыхъ мнѣ фактовъ объ окончаніи дѣлъ мировыми сдѣлками не позволяетъ сдѣлать надлежащую оцѣнку этому явленію, но тѣмъ не менѣе позволю себѣ замѣтить, что народъ прибѣгаетъ къ мировымъ сдѣлкамъ въ такихъ случаяхъ, когда рѣшеніе суда по адату не удовлетворяетъ ни ту, ни другую стороны, другими словами, когда постановленія адата не соотвѣтствуютъ духу времени. Что это такъ, показываютъ случаи окончанія дѣлъ мировыми сдѣлками послѣ того, какъ дѣло пройдетъ все инстанціи народнаго суда и тѣмъ не менѣе не доставитъ настоящаго удовлетворенія.

Указанныя мною выше измѣненія въ современномъ быту киргизъ, конечно не исчерпываютъ всехъ фактовъ, въ которыхъ

выражается современное, такъ сказать, социальное содержаніе киргизъ. Я привелъ лишь факты, близко касающіеся киргизскихъ женщинъ, и при томъ такіе, которые, по моему мнѣнію, могутъ послужить къ выработкѣ средствъ защиты ея отъ суровыхъ постановленій вымирающаго стараго адата.

V.

Разсказавъ исторію попытокъ составителей Туркестанскаго положенія встать на защиту средне-азіатской женщины, я высказался, что, по моему мнѣнію, всѣ эти попытки стремились примирить непримиримое, почему и не могли найти себѣ мѣста въ законѣ. Неудовлетворительно и рѣшеніе этого вопроса нынѣ дѣйствующимъ положеніемъ, бросившимъ всякую попытку вмѣшательства русской власти въ такую сферу народной жизни, которая наиболѣе затрогиваетъ нравственные интересы народа. Остается стало быть третій путь—путь открытой борьбы съ адатомъ. Въ ней русская власть встрѣчаетъ хорошаго союзника въ той перемѣнѣ семейнаго быта, которая указана мною, а именно: въ замѣнѣ большой семьи рода малыми семьями, гдѣ бывшая токаль становится байбиче, и въ перемѣнѣ взаимныхъ отношеній между мужемъ и женою, все болѣе и болѣе сближающихся другъ съ другомъ на почвѣ хозяйственной дѣятельности. Въ этомъ отношеніи уже значительно къ лучшему измѣнилось положеніе киргизской женщины. Конечно возможны случаи дикаго жестокаго обращенія мужа съ своею женою, но подобные случаи встрѣчаются и у насъ въ интеллигентныхъ семьяхъ, такъ что невѣжественному дикарю степи они извинительны. Остается дѣйствительнымъ врагомъ только одинъ адатъ, социальная форма, переживающая социальное содержаніе.

Существенными сторонами адата, сторонами не желательными въ смыслѣ улучшенія положенія киргизской женщины, нужно признать, во-первыхъ, красною нитью проходящій чрезъ адатъ взглядъ

на женщину, какъ на имущество, выражающійся въ обычай уплаты калыма за невѣсту и во-вторыхъ — многоженство, какъ такая форма брака, при которой положеніе жены — пониженное. Второй факторъ нужно однако признать не серьезнымъ врагомъ, потому что многоженство, обусловленное имущественнымъ цензомъ мужа, составляетъ привилегію лицъ зажиточныхъ, привилегію меньшинства. Большинство же киргизскихъ, да и прочихъ средне-азиатскихъ женщинъ, лишено удовольствія быть младшими женами своихъ мужей. Подобно тому, какъ мы замѣчаемъ измѣненіе въ родовомъ строѣ киргизъ, оно охватило и бракъ, въ которомъ моногамія начинаетъ вытѣснять полигамію. Такимъ образомъ съ этимъ врагомъ считаться почти не приходится: его вытѣсняетъ факторъ — экономическій, трудность содержанія большой семьи. Другое дѣло — калымъ, удержавшійся въ народѣ до настоящаго времени. Думаю, что доказывать необходимость уничтоженія его, какъ главнѣйшаго препятствія къ возвышенію положенія женщины, нѣтъ надобности. Внимательное чтеніе положеній адата, ограничивающихъ человѣческія права женщины, приводитъ къ заключенію, что большинство этихъ постановленій исходитъ изъ того, что женщина приобрѣтена за извѣстную сумму и потому стала собственностью своего мужа и его родственниковъ, какъ прямыхъ или косвенныхъ наслѣдниковъ имущества. Единственныя статьи, не исходящія изъ обычая уплаты калыма, статьи, ограничивающія права женщины, вступающей во второй бракъ, на дѣтей отъ перваго мужа — суть ничто иное, какъ остатки родового строя, т. е. (повторяю формулу историческаго закона) социальная форма, переживающая социальное содержаніе, и относится стало быть скорѣе къ тому враждебному для европейской цивилизаціи элементу, которому мы объявили войну еще въ 1867 году (а въ областяхъ сибирскихъ киргизъ и ранѣе), введя выборное начало. Конечно борьба съ этимъ явленіемъ необходима, и объ этомъ я скажу ниже, а теперь продолжаю о борьбѣ съ калымомъ. Высказываясь за законодательное уничтоженіе этого обычая, какъ таковаго, на которомъ зиждется взглядъ на женщину, какъ на

живое имущество, я не думаю, чтобы эта мѣра могла быть встрѣчена съ неудовольствіемъ. Калымъ—такое серьезное препятствіе для заключенія брака, что законодательное уничтоженіе его будетъ встрѣчено со стороны жениховъ, затрудняющихся въ уплатѣ калыма, какъ забота государства объ облегченіи имъ возможности устраивать свой семейный очагъ, со стороны же невѣсты будетъ встрѣчено сначала безразлично, а потомъ, когда онѣ сообразятъ, какія послѣдствія проистекаютъ изъ такого законодательнаго акта, то конечно будутъ также благодарить судьбу. Единственная недовольная сторона—это отцы невѣстъ, но и они, я думаю, быстро примирятся съ этимъ, тѣмъ болѣе, что почти каждый отецъ невѣсты въ то же время и отецъ жениха, и потому являются стороною, заинтересованною въ уничтоженіи калыма. Мнѣ можетъ быть скажутъ, что если калымъ—тяжелая дань, которую наложилъ на киргизъ и узбековъ древній обычай, и отъ котораго они рады избавиться, то почему же они сами не прекратятъ этого тяжелаго для нихъ обычая? На это я позволю себѣ спросить въ свою очередь, почему мы, жалующься на многіе для насъ обременительные обычаи, все-таки изъ кожи лѣземъ и соблюдаемъ ихъ, ожидая, чтобы кто нибудь подалъ примѣръ несоблюденія обычая? Косность и рутина—большія силы и ихъ мы, даже въ обыденныхъ дѣлахъ, съ трудомъ побѣждаемъ. Что-же касается вопроса о калымѣ, то мнѣ кажется, тутъ можно имѣть въ виду только одно: назрѣла ли потребность въ его уничтоженіи, а разъ она назрѣла и есть къ тому солидные мотивы, то нечего и задаваться вопросомъ, какъ будетъ встрѣчена эта мѣра, а уничтожить его—и дѣло съ концомъ. Пусть государство возметъ на себя инициативу уничтоженія вреднаго обычая, ибо этой мѣрой оно встанетъ на защиту слабаго отъ сильнаго, т. е. исполнитъ одно изъ своихъ существенныхъ назначеній.

Но уничтоженіемъ калыма нельзя ограничиться. Защищая человѣческія права женщины, нужно принять еще и другія мѣры, изъ которыхъ нѣкоторыя не нужно проводить законодательнымъ порядкомъ, ибо онѣ уже существуютъ въ законѣ. Изъ числа

такихъ мѣръ укажу на опредѣленіе возраста брачующихся, такъ какъ у туземцевъ Средней Азіи женщины выходятъ замужъ очень рано, что крайне вредно отзывается какъ на ихъ здоровьи, такъ и на здоровьи ихъ дѣтей. Если въ настоящее время уплата калыма заставляеть иногда надолго отсрочить бракосочетаніе, то при уничтоженіи калыма этой задержки не будетъ. По этому нужно теперь же во всей Средней Азіи послѣдовать примѣру и. д. военнаго губернатора Семирѣченской области г. Осташкина*), и объявить населенію существующій общій въ Имперіи законъ о возрастѣ брачующихся и слѣдить за соблюденіемъ этого закона. Ст. 3 X т. ч. I Свода Зак. Гражд. ясно опредѣляетъ возрастъ брачующихся, а ст. 91 того-же закона распространяетъ законоположенія ст. 3 и на лицъ, исповѣдующихъ магометанскую вѣру. Нѣтъ никакого основанія дѣлать исключенія для магометанъ Средней Азіи, гдѣ, вопреки всѣмъ нашимъ представленіямъ, половая зрѣлость женщинъ, какъ это доказали ташкентскія женщины врачи**), наступаетъ не раньше, чѣмъ въ странахъ нашего сѣвера.

Выше я сказалъ, что постановленія адата, лишающія вдову-киргизку правъ материнства, въ случаѣ вторичнаго брака съ постороннимъ мужчиной, относятся къ категоріи явленій переживанія родового быта. Борьбѣ съ этимъ нежелательнымъ явленіемъ необходимо какъ въ цѣляхъ уничтоженія остатковъ родового строя, такъ и въ цѣляхъ возвышенія человѣческихъ правъ матери. Обѣ эти цѣли достижимы примѣненіемъ общаго закона о правахъ и обязанностяхъ семейныхъ, закона, который не разграничиваетъ правъ отца и матери по отношенію къ дѣтямъ. Во всѣхъ статьяхъ этого закона говорится о родителяхъ, но не говорится отдѣльно о правахъ и обязанностяхъ отцевъ и матерей. Ст. 178 X т. ч. I, трактующая о прекращеніи личной власти родителей, признаетъ

*) Г. Осташкинъ 17 марта 1895 г. циркуляромъ за № 1513, объявилъ по области о соблюденіи ст. 3 и 91, X тома Свод. Зак. Гражд. ч. I.

**) См. «Отчетъ о десятилѣтней дѣятельности Ташкентскаго амбулаторнаго пункта», Пославской и Мандельштамъ.

только два случая такого прекращенія: естественную смерть и лишеніе всѣхъ правъ состоянія, когда въ послѣднемъ случаѣ дѣти не послѣдуютъ въ ссылку за своими родителями. По этому власть матери-киргизки, разъ она русская подданная, не можетъ быть прекращена только потому, что она, овдовѣвъ, пожелала вступить во второй бракъ. Въ изданіи (X т.) Боровиковскаго есть подходящая къ подобнымъ случаямъ ссылка на рѣшеніе Правительствующаго Сената, которымъ, въ 1876 г. за № 199 разъяснено, что „родители, *въ силу принадлежащей имъ родительской власти*, въ правѣ требовать возвращенія къ себѣ дѣтей отъ *всякаго* лица, удерживающаго ихъ у себя *вопреки волю* родителей*). А киргизскій адатъ требуетъ, чтобы родичи умершаго киргиза отнимали у его вдовы ея дѣтей, если она задумаетъ вступить во второй бракъ. Существованіе такихъ постановленій адата, какъ и существованіе самаго адата, нужно признать крайне ненормальныхъ явленіемъ, своего рода государствомъ въ государствѣ. Постоянное существованіе этого государства въ государствѣ имѣло бы смыслъ, если бы мы смотрѣли на свое пребываніе въ Средней Азіи, какъ на временное военное завладѣніе, но разъ мы тридцать лѣтъ тому назадъ рѣшили дѣйствовать такъ, чтобы Средняя Азія органически слилась со всей Имперіей, то мы и должны шагъ за шагомъ постепенно ограничивать права адата, отводя ему надлежащее мѣсто не на креслѣ власти имѣющаго судьи, а на страницахъ ученаго трактата о родовомъ бытѣ киргизъ кочевниковъ. Они русскіе подданные и потому на нихъ должны распространяться всѣ законы Имперіи, понятное дѣло, съ нѣкоторыми ограниченіями на первыхъ порахъ, дабы не прибѣгать сразу къ ломкѣ всѣхъ народныхъ обычаевъ. Но за тридцать лѣтъ мы не только не ограничиваемъ адатъ, но создаемъ такія условія, благодаря которымъ на сцену выступаетъ подъ прикрытіемъ адата такое безобразіе, съ которымъ трудно мириться. Объ одномъ фактѣ такого безобразія я расскажу ниже, а теперь

*) Курсивъ мой. Авт.

еще укажу на одну весьма существенную мѣру, которая необходима въ цѣляхъ общаго просвѣщенія киргизъ вообще и киргизскихъ дѣвочекъ въ частности.

Зимою 1888 г. мнѣ пришлось проѣхать степью по киргизскимъ ауламъ отъ Орска до Казалинска. На этомъ пути, главнымъ образомъ въ Тургайской области, мнѣ много разъ приходилось наталкиваться на небольшія аульныя школки грамотности. Грамотный татаринъ, или киргизъ, окруженъ пятью-шестью дѣтьми обоего пола, сидящими на полу съ книжками и указками въ рукахъ, и обучаетъ ихъ начаткамъ мусульманскаго ученія. Покончивши занятія съ малышами, мулла обращался къ подросткамъ-дѣвушкамъ и принимался просвѣщать ихъ. Конечно, такія школки служатъ интересамъ ислама, но почему намъ не воспользоваться этимъ примѣромъ и, сосредоточивая центры народнаго просвѣщенія въ уѣздныхъ городахъ и другихъ населенныхъ пунктахъ въ видѣ русско-туземныхъ школъ для мальчиковъ, не приняться, на ряду съ ними, за организацію множества мелкихъ кочевыхъ школокъ для дѣтей обоего пола, раскидавъ эти школки по всей степи. Просвѣщеніе народа отъ этого много бы выиграло, стало бы выиграло бы и мы во времени сближенія нашей средне-азіатской окраины со всею Имперіей.

Указанныя мною мѣры (уничтоженіе калыма, примѣненіе общихъ законовъ Имперіи и возможно широкое развитіе школьнаго дѣла) должны значительно улучшить положеніе киргизской женщины и поднять ее человѣческое достоинство, такъ безбожно забитое остатками сѣдой старины—адатомъ. Но рядомъ съ расширеніемъ примѣненія общихъ законовъ необходимо начать и ограниченіе компетенціи народнаго суда, всецѣло подчинивъ его контролю русскихъ судебныхъ установленій. Насколько необходимо это ограниченіе показываетъ слѣдующій фактъ.

Одинъ киргизъ, нѣкто Балджанъ, просваталъ свою дочь Айгунъ за киргиза Тышима, уплату калыма за котораго взялъ на себя его братъ Сакау. Калымъ былъ уже выплаченъ и можно было бы приступить къ совершенію брака, какъ между сватами

произошелъ разрывъ. Сакау загналъ у Балджана скакуна и попортилъ колодець въ степи, вырытый Балджаномъ. Послѣдній, желая возмѣстить эти ущербы, потянулъ Сакау къ бію и сталъ искать съ него 314 руб. Тогда Сакау предъявилъ къ Балджану искъ о возвратѣ калыма. Дѣло однако не было разобрано біями, такъ какъ въ него вмѣшался одинъ киргизскій ишанъ и уговорилъ сватовъ помириться. Сваты выдали другъ другу обязательства въ томъ, что одинъ прекращалъ свой искъ въ 314 руб., а другой прекращалъ искъ о возвратѣ калыма и предоставлялъ Балджану право выдать Айгунъ замужъ за другого киргиза. Казалось бы дѣло покончено. Но на бѣду, Сакау, довѣривъ ишану расписаться за него на мировой сдѣлкѣ, принужденъ былъ уѣхать къ себѣ домой, гдѣ у него внезапно заболѣлъ сынъ. Подписи были сдѣланы уже въ отсутствіи Сакау и когда ишанъ, спустя нѣкоторое время, вручилъ Сакау обязательство Балджана, то Сакау отказался принять это обязательство, мотивируя тѣмъ, что онъ во-первыхъ передумалъ, а во-вторыхъ не прикладывалъ къ своему обязательству своей тамги, а стало-быть это обязательство и не имѣетъ силы. Когда же Балджанъ, въ силу имѣвшагося на рукахъ документа, сталъ пріискивать для своей дочери новаго жениха, то Сакау обратился за содѣйствіемъ къ волостной администраціи, прося помочь ему получить съ Балджана либо дочь въ жены для его брата, либо обратно калымъ. Дѣло переходитъ на разсмотрѣніе народнаго суда; на немъ выступаетъ на сцену кредиторъ Сакау Ирдени, за котораго, будто-бы, Балджанъ началъ сватать свою дочь еще въ то время, когда не начиналось дѣло о пресловутой мировой. Это сватовство даже какъ-бы было причиной иска Сакау съ Балджана уплаченнаго калыма. Въ такомъ свѣтѣ взглянули на дѣло біи (по словамъ Балджана, посовѣтовавшіе Сокау выдвинуть на сцену Ирдени, съ которымъ Сакау не могъ покончить своихъ долговыхъ обязательствъ) и, какъ единоличный бій, такъ и съѣздъ біевъ постановили, чтобы дочь Балджана вышла замужъ за Ирдени, который долженъ уплатить калымъ не Балджану, а Сакау, ибо послѣдній калымъ этотъ упла-

тилъ Балджану. Другими словами, Ирдени получилъ съ Сакау свой долгъ дочерью Балджана и тѣмъ покончилъ свое съ нимъ дѣло. Какъ ни упирался Балджанъ, какъ ни протестовала несчастная Айгунъ, а приговоръ съѣзда народныхъ судей, какъ составленный съ формальной стороны правильно, не могъ быть отмѣненъ и пересмотрѣнъ вновь и потому долженъ былъ быть приведенъ въ исполненіе. Уйгунъ народными судьями, а не отцомъ своимъ, была выдана замужъ за человека, ей постылаго. Если бы русская администрація могла опереться въ данномъ случаѣ на Проектъ Полож. 1867 года (ст. 203), то понятно, что такое безобразіе не могло бы совершиться; не могло бы оно совершиться и въ томъ случаѣ, если бы всякое рѣшеніе народнаго суда подлежало контролю русскаго суда. А такъ какъ ни того, ни другого нѣтъ, и въ силу Туркестанскаго положенія 1886 г. рѣшенія народнаго суда отмѣняются только при нарушеніи формальной стороны процесса, или по дѣламъ ему не подсуднымъ, а никакъ не по существу дѣла, то несчастная Айгунъ и другія ей подобныя должны являться средствомъ ликвидаціи долговыхъ обязательствъ. И такое рабство киргизскихъ дѣвушекъ и женщинъ, такое приравненіе ихъ къ имуществу будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока государство не выступитъ на защиту обиженныхъ и угнетенныхъ изданіемъ особыхъ законоположеній, а также ограниченіемъ компетенціи народныхъ судовъ, не положитъ предѣла существованію соціальныхъ формъ, переживающихъ собою соціальное содержаніе. Выступить же на такую защиту государство должно какъ потому, что его цѣль защищать слабыхъ противъ сильныхъ, такъ и по тому, что въ Средней Азіи оно стремится органически связать новый край со всей Имперіей, чего скорѣе достигнетъ, если привлечетъ на свою сторону цѣлую половину населенія Средней Азіи, и при томъ такую половину, въ рукахъ которой лежитъ первоначальное воспитаніе молодыхъ поколѣній. Эти поколѣнія забитая нынѣ женщина, а въ близкомъ будущемъ, надѣюсь, защищенная государствомъ—несомнѣнно станетъ воспитывать въ любви и признательности къ тому вели-

кому государству, которое, раскинувшись на полсвѣта, въ силу своего географическаго положенія, является проводникомъ гуманной христіанской цивилизаціи въ дикой еще Азіи.

Говоря о положеніи киргизской женщины и о способахъ защиты ея человѣческихъ правъ, я нѣсколько разъ проговаривался, что въ такой защитѣ нуждается вообще женщина туземнаго населенія Средней Азіи, т. е. стало быть и женщина осѣдлаго населенія. И эта послѣдняя нуждается въ защитѣ не менѣе киргизки, такъ какъ ея приниженное положеніе кромѣ безправія, приравненія къ имуществу, характеризуется еще затворничествомъ, которое, по свидѣтельству Наливкиныхъ, веселую дѣвушку-подростка превращаетъ въ злую, сварливую, постоянно раздраженную женщину*). Освободить и эту женщину отъ оковъ шаріата такъ-же необходимо, какъ и киргизку отъ оковъ адата. Освобожденіе это должно идти тѣмъ же путемъ, какъ и освобожденіе киргизки, т. е. путемъ ограниченія тѣхъ постановленій шаріата, которыя касаются женщинъ, путемъ примѣненія общихъ законовъ Имперіи, путемъ распространенія просвѣщенія и путемъ ограниченія компетенціи народнаго суда. Бояться затронуть шаріатъ ничего: никакихъ осложненій эта мѣра не можетъ вызвать, какъ не вызвало затрудненій упраздненіе мильковаго права и ограниченіе, а мѣстами такъ и полное упраздненіе вакуфнаго права.

Пора энергично приняться за то, чтобы на всемъ пространствѣ Россійской Имперіи человѣческая личность встрѣчала защиту въ однихъ и тѣхъ же законахъ, а не была бы подчинена такимъ затхлымъ установленіямъ, какъ шаріатъ, и такимъ вымирающимъ установленіямъ, какъ адатъ. Пора намъ стать въ такое положеніе, чтобы угнетенныя и жестоко обиженныя Айгунь и.

*) Наливкины. «Очеркъ быта женщины осѣдлаго туземнаго населенія Ферганы»; Казань, 1886 г.

ей подобныя встрѣчали бы у представителей русской власти въ Средней Азіи дѣйствительную защиту и находили бы у нихъ правду и справедливость, въ поискахъ за которыми онѣ нынѣ тщетно идутъ за десятки верстъ обливать своими слезами пороги нашихъ канцелярій. Пора намъ расширить свое чувство патріотизма и, гордясь своими побѣдами въ Средней Азіи, указывать міру не только на десятки выросшихъ русскихъ поселковъ, не только на сотни желѣзнодорожныхъ поѣздовъ съ средне-азіатскимъ хлопкомъ и другими товарами, но также и на тысячи женскихъ глазъ, осушенныхъ отъ слезъ единственно торжествомъ солнца правды надъ рутинною несправедливостью адата и шаріата.

Ор. Шкапскій.

Г. Петро-Александровскъ,
18 января 1896 г.

